

№10

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

07|24

НАТЕ

ПОЭЗИЯ

18+
содержит
нецензурную брань

№10

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

07|24

НАТЕ

ПОЭЗИЯ

18+
содержит
нецензурную брань

Главный редактор: Мария Тухто

Редакционная коллегия:

Юлия Афонина

Ирина Бондырева

Ада Насуева

Александра Сусллова

Дизайн обложки:

Светлана Подаруева

Верстка: Мария Тухто

Контакты:

Прием рукописей: nate.lit@mail.ru

Сотрудничество: nate.lit.collab@mail.ru

Сайт: <https://natelit.ru/>

Мы в социальных сетях:

https://t.me/NATE_lit

Boosty: <https://boosty.to/glavvred>

Поддержать проект: <https://pay.cloudtips.ru/p/39896291>

Рукописи не рецензируются.

Мнения автора и редакции могут не совпадать.

При перепечатке текста ссылка на журнал обязательна.

Содержание:

Анна СТОЛЯРОВА.....	6
<i>Комм. Евгения Цориева.....</i>	<i>9</i>
Мария ЕЖОВА.....	11
<i>Комм. Анна Нуждина.....</i>	<i>15</i>
Алексей ЧЕРНИКОВ.....	17
Анна АЛИКЕВИЧ.....	24
<i>Комм. Данила Кудимов.....</i>	<i>28</i>
Кирилл ТРЕМАСКИН.....	30
Олег ШАТЫБЕЛКО.....	34
Мита ОВ.....	49
Лера СОЛЁНАЯ.....	59
Дмитрий ПЕВНИЦКИЙ.....	67
Полина МИХАЙЛОВА.....	74
Сергей ХАН.....	77
Кир НЕБРОСКИЙ.....	83

Анна СТОЛЯРОВА

Поэт из Жуковского, студентка МГИМО.
Не могу жить без литературы, нотного
стана и родной речи.

* * *

даже ты, даже я. без тебя как без сна, как без
кожи, и иголки сумерек мне колют глаза.
недавно цвела пасха, и бог мой опять воскрес —
как же жаль, что, как богу, мне каждый год так нельзя
из пепла, костей набора становиться светом,
который выше каната над бездной и мкб-десять.
с собой у меня только сердце и мои мета-
модерновые словеса́ из хэбэ и железа,
что мешают спать, выедая внутри голову
и ломая пальцы о бледные букв контуры.
я кафель снежно-больничный с темными сколами,
холодный и всем как будто чужой, без гонора,
без кожи, без сна. даже ты, даже я. помоги
мне не остаться в нигде и остаться хоть где-то
живой. вот мои синяки и стихи о любви:
все, все становится едко-больничного цвета
и весь мир — конфетти из обрывков писем моих
разлетается. я скурила бы все это, да
нету сил. жизнь состоит словно из двойных сплошных
и, как время, стрелой попадает в шею верста
федеральных трасс. я тебя никому никогда
не оставляю и не расскажу — я так не могу
разменять тебя. трамонтана, дрожат провода,
и мне бы выхаркать, вырветь всю эту тоску
вместе с простудой и талым снегом с обочины.

мне, верно, нужна помощь, мне нужна в руке рука,
мой крест — это сердце, я к нему приколочена,
и жить я умею, только если
живу
любя.

* * *

всю тоску мою прочь из дома, за болевой порог,
нервы если не канаты, то хотя б не удавка,
взрыв бытового страха, изнутри наружу ожог
колется, точно в двери оставленная булавка.

сойду на следующей, не сойти бы только с ума,
слова в стол или в лоб, но лучше наверняка — в висок,
жэк отключит и свет, и тьму, останусь лишь я сама
догорать где-то между своих недописанных строк.

замкнутся круги своя, я себе не найду места,
сколько лет мне, столько времени в календаре зима,
такова цена — всегда ничья, никогда невеста
немая, словно на двух концах провода тишина.

* * *

часто говорили, что у меня мамины глаза и отцовские губы,
мое лицо — это единственное место в мире, где родители вместе,
выходит, что я — это они двое в минусе или наоборот в кубе,
не знаю, от их свадьбы осталась только я и запах прокисшего теста.

после сажусь обедать из битых ночью тарелок, суп от слез пересолен,
тыкаюсь слепо в чужие теплые плечи в любви неназванных поисках,
все излишки памяти о тяжелых шагах и во время чумы застолий —
засвеченные кадры, как вид на крошечную тьму из форточки
поезда.

мне снятся тайком могилев, кандагар, тайга, гиндукуш, балтийские
сосны —
что-то из вашей жизни, которая молнией на куртке разошлась с
моей,
я хочу закричать, но слова до крови упираются в зубы и десна,
все пройдет, но на них я буду всегда похожа больше всех остальных
людей.

* * *

я не хочу забыть, я не хочу слова
отпускать. через год мне уже двадцать два.
я не хочу потерять. сабантуй, тайга
и поребрик, сирень, тополя и тоска.

мне невозможно забыть. граненки, снега —
я не хочу на сен-женевьев-де-буа.
как молитва, бросить не смей — ряженка, наст,
квартирник, стрекозы. речи чужой балласт.

не знаю как мне забыть. частушки, стихи,
водомерки, смородина и лопухи.
элки, маршрутки, сбитень, замоскворечье —
я помню и жизнь сохраняется в речи.

* * *

8

моего тут ничего,
ненадежный ноль окна
и бумаги молоко —
белоглазая луна

многоточие, пробел
разделяет города,
сумму наших с тобой тел
бессловесная черта

есть сильнее пустоты —
я от твоего ребра,
как глагол от высоты,
оторваться не смогла

тишину заносит снег,
бремя тысяч голосов
бывших до нас человек
среди этих холодов

строчки — известь немоты,
нелинованных листов,
серебристый след звезды
вырезает грани слов

моего тут ничего,

вечность не бывает зря,
нам с тобою все равно,
что мир кончился вчера

* * *

как всегда самолет твой спешит на прибрежный зюйд вест,
на части стрелой разрезая сумрачный блеск небес.
все дальше от мест, где были недавно, но уже нет.
ты в тоске обгоняешь едва наступивший наш век,
за спиной оставляя мосты над рекой, проспекты —
для меня все жило тобой, жить всему больше негде.
ты летишь — и я тоже лечу вдоль земли и дорог,
но я вновь наверху упираюсь в косой потолок.
над тобой те же звезды поют, что танцуют со мной,
те же мысли и строчки бегут как всегда за тобой.
ты не видишь, но здесь превращаются в реки снега
и в посадские ткани уже вышивают луга.
как в твоём краю солнца здесь тоже бывает тепло,
мне так жаль, что не видишь весны, облаков — ничего,
что осталось как прежде тут стойко и мирно стоять.
чтоб дойти до тебя научи меня, Боже, летать.

9

Комментирует Евгения Цориева¹:

в случае с подборкой текстов, а не циклом, которому автор_ка обычно сам_а дает имя и, соответственно, одну из траекторий, по которым можно начинать движение, задачей под звездочкой является самостоятельный читательский поиск связующих звеньев, которые дают подборке существовать, грубо говоря, в целостной разрозненности. в подборке Анны Столяровой, где каждый следующий текст, фактически, отличается от предыдущего и с точки зрения формального/графического аспектов и <не люблю такие огрубления, но все же> с точки зрения аспекта содержательного, такие звенья находятся довольно просто, скорее даже на уровне какого-то предпонимания, чем чисто филологического взгляда

во-первых, письмо ощущается как какое-то постоянное колебание. как провода под напряжением или конвекция в аномально жаркую погоду. это какая-то искрящаяся искренность, вызывающая легкое покалывание в руке, которая хочет с ней соприкоснуться. временами

¹ Евгения Цориева — поэтка, филологиня. публиковалась на [полутонах], во «флагах»; в журналах «нате», «всеализм», “poetica”, «пироскаф» и на syg.ma.

уходящая в надрыв, а временами зарастающая в нежность. при этом само это колебание — безопасное явление, этим проводам ты почему-то веришь и принимаешь этот самый контакт. это сквозящий трепет, какой-то, временами, околоаронзоновский (первой ассоциацией к завершающему тексту было “Послание в лечебницу” как по звучанию, так и на уровне образов).

во-вторых, этот трепет в первую очередь направлен на слово как таковое. отсюда частый выход на метатекстуальный уровень (практически в каждом тексте осмысление обладания словом; процесса письма; прямое какое-то цветаевское графическое сопоставление; etc) <на этом фоне, на первый взгляд, выделяется текст про семью, однако для меня тоже на каком-то иррациональном уровне он вписался в этот ряд с точки зрения вот этой самой идеи творения как таковой, где этим творением выступает уже субъект_ка.>

10 в-третьих, этот самый трепет каким-то образом побеждает эксплицитно мрачную реальность текстов. письмо держится на личных звеньях, которые провоцируют скорее выстраивание догадок, однако эти звенья не мешают целостности происходящего. оно скорее воспринимается как должное. и, что мне кажется важным, трепет с мраком не находятся в дихотомии. оно ощущается как естественное бытование.

жизнь победила смерть неизвестным для меня способом.

Мария ЕЖОВА

Поэтесса-религиоведка, аспирантка кафедры философии и религиоведения Богословского факультета ПСТГУ, сотрудница Библиотеки поэзии (Библиотека 76 им. М.Ю. Лермонтова). Родилась в 1996 г. в Москве, окончила Училище им. Гнесиных по специальности «Хоровое народное пение», РГГУ по специальности «Религиоведение».
Публикации: «Нате», «rosamundi», «Пеликан», «журнал на коленке».

Я ЛЮБЛЮ ПОЕЗДА

* * *

11

искажается через чёрные стёкла
собственный глаз в провале арки вокзала

может, мы все ошибаемся
вжимаясь вслед за бездомными
в синие стулья с нагноением города

упали под первым снегом
как сходились талой водой
жажды не утолив

что осталось
мучительно говорить

одному не забыть
отворачиваясь во сне
на глаза попадаться себе
в темноте без штор

стволы
приплетенные к стенам звенят
и звенят лифты
как под толщей воды
проволоченные киты

* * *

когда во сне падаешь с края высокой кровати
вспоминая выбор – акт созидания будущего

скатиться в пропасть
попадая на зуб
рассекающий хлебные позвонки
в молоке

вилами в поле вывалены круги
вода-вода
по волнам, по воле, позволено не быку
распустить ноздрю

царствуя царствую
проклятое дитя
промежутком петли
обернулось

12

* * *

сосны скрипят
на ветру на ве тру н а в е тттру

на голодный желудок
бросают камни в игривую деву

— не стоит ехать
— не хватит места
в сухом остатке влажность
высокая

то туда
— в любой вагон
девушка, ну же
— в любой вагон

если что
высадят
гиацинтовую принцессу
в сибирскую глушь

* * *

ни одна дорожка в поле не выходит
не соскакивает нога
подворачивая лодыжку

лодочка проплывает стопой
по песку и глине сырой
концы с концами разведены
скрипит какая-то птица у головы

* * *

сиба ибо
инá и Ину
Энки

мáнки
обтянутые ковром
упругие оттоманки

* * *

наполнят грязную воду
в застойном пруду
кисло-зелёной ряской

выйти на берег
страшно
привычному к скользкому илу

сложно ходить по земле
рассекая пустоты
на что-либо опираясь

* * *

свирепый лев
пожирает добрую плоть

по высокой реке пройду
по камени
к двери пещер

прочитай как слышишь
каменщикам имена

трудникам
из пота скатаны
векам — из слёз

за преступления им
уготована яма

* * *

свечи горели весь день
квартира
промыта маревом

хочешь быстро достать ключи
соскребешь чуть засохший порез
ключи
кровью промыты

говори на тополь-дрожащей
амплитуде
голос
промыт слюной

14

не страшно наедине
о закреплении в ритуале синтоистской беременной женщины
с необходимостью уходящей от неуместной заразы
христианского опыта
глубина
промыта житейским морем

* * *

всякая зелень зачахла от
желания жить

были накормлены вдоволь
пустили множество листьев

какой обман
некуда деться в маленьком доме

приедут
горшки цветочные
по восемь с половиной литров
шесть горшков

по восемь с половиной литров

дам им новые дома

себя пересаживаю сама
в плодородную почву

* * *

на моём балконе будут расти сколько-то-летники

если им повезёт
будем расти вместе
бок о бок
листочек к коленке
подорожник ко лбу
шипы в тонком месте внутри плеча

вы мне даны
вешние вѣнки
на вырост

* * *

товарняк Шай-Хулуд
пронесёт тебя по русской пустыне

скандальный мальчик в полубреду

из середины мыслей тебя покидают волосы
застоявшись в цветущем пруду

Комментирует Анна Нуждина²:

Внутренняя логика многих текстов из этой подборки Марии Ежовой основана на сдвиге логики языка, неразличении прямого смысла и коннотации, нарушении устойчивых смысловых конструкций. Развитие действия порождается несовершенством языковой системы с её омонимичностью, выпадающими из корней буквами и скрытыми в бытовом лексиконе метафорами и метонимиями. Стихи Ежовой производят деавтоматизацию, и мы снова можем помыслить то, к чему привыкли из-за постоянного употребления, как ошибку, баг

² Анна Нуждина — филолог, литературный критик, редакторка Метажурнала.

системы. Эта ошибка становится не только видимой, но и значимой. Становясь основой художественного приёма в стихотворении, она обнажает скрытую в обыденном употреблении поэтическую функцию языка.

Вот ссаженный с поезда становится высаженным в почву цветком, когда одно значение слова внезапно сменяется другим: «если что/ высадят/ гиацинтовую принцессу/ в сибирскую глушь». Вот случайное созвучие старославянизма и заимствования из японского порождает цепочку зауми, когда «начало» соединяется с «началом», а не с «концом», а звук – со звуком (не по смыслу):

сиба ибо
ина́ и Ину
Энки

ма́нки
обтянутые ковром
упругие оттоманки

- 16 Определённая деструкция стихотворения как целостного и завершённого сообщения происходит во всех текстах Ежовой, но на приведённом примере хорошо видна деструкция сюжетного развития текста. Его логической основой становится развитие звуковой ассоциации, понятое отдельно от «основного» смысла слов. С помощью такого смещения «добавочных» характеристик слов и букв на позицию ведущих и создаётся эффект «поэтичности» поэтической речи.

Алексей ЧЕРНИКОВ

Поэт, журналист. Родился в 2003 году в Архангельске, живёт в Москве. Не получил даже школьного образования. В 16 лет основал леворадикальную организацию, проводил акции прямого действия, но под влиянием религиозной философии изменил взгляды. Начиная карьеру актёра, позже занялся журналистикой, с 2024 года — автор проекта «Сноб». Ранние стихи опубликованы в журналах «Кварта», «Юность», «Знамя», «Просодия» и многих других онлайн-изданиях.

СТОЛКНОВЕНИЯ НЕИЗБЕЖНЫ

* * *

ТЮРЕМНАЯ БАЛЛАДА ПРО ОСТРОВ

17

Когда начинается дождь и приходит большое гудение,
когда крутится дождь, как барабан револьвера,
мокрая земля пузырится, а ты тревожная и послушная,
что-то в доме трещит, и получается наша старость.

Мухи-сцены супружеской жизни. Мучение.
Сапоги скрипят, и стекло живое, и кашель пространства: страшно.
Лампа в твоих руках — дополняя сумерки.
Пламя старается, вытапливая молоко керосина.

Остров. Лодку уже унесло от берега. Клаустрофобия.
Недоигранная партия в шахматы, шторм — как в чёрно-белом
фильме.
Мох и птицы на скалах, и нет электричества.
Запах брезента, ухи, древесины. Серебряный нож. И ружьё над
кроватью.

Ты, седая, вся как-то вздрагиваешь и исчезаешь из комнаты,
а потом я один в жёлтом дыме — долго курю и в темноте различаю
мои годы тюрьмы, и моё лицо молодого художника,
и старость — дружбу со смертью.

Я помню колонны военной техники, и слова философа
про битву цивилизаций, и наши с тобой протесты,
а потом меня арестовали и звучала долгая песня из соседней
камеры.

[Заточкой — конвоиру по горлу. И ночь побега.]

Песня про тайный остров. Из соседней камеры — песня смертников.

[Контрабандисты в портовом городке, яхта... —

мы выжили, мы убежали на нейтральную территорию.]

Я всю эту песню запомнил, как карту, чтобы понять сегодня:

МИР ВЫВОРАЧИВАЕТ СЕБЯ ИЗ КАЖДОЙ ТОЧКИ МОЕГО ВЗГЛЯДА
ДЛИТСЯ И ДЛИТСЯ ЕГО ПРИСУТСТВИЕ МЫ УСТАЛИ ЖИТЬ
ЗАЧЕМ Я ПОВЕРИЛ ПЕСНЕ ПРО КРАЙ ГДЕ НИЧТО НЕ НАСТИГНЕТ
Я ХОТЕЛ ПРОСТО СБЕЖАТЬ от себя ЗАЧЕМ ЭТА БЕСКОНЕЧНОСТЬ

Никто не добился от мира ответов разведкой и вторжением —
отстают. Снова и снова в бегах от жизни.

А в Европе тоже дождь, Европы не существует, надёжные земли
кончились.

...Дождь заглушает машину мысли, работу причин и следствий,

позвоночник пейзажа размыт дождём, наш остров отрывается
и плывёт к континенту — навсегда с ним соединиться.

Ты — нет следа от морщин — вдруг снова рядом, улыбчива:

«Мы давно приплыли. Мы никуда не уплывали».

там где мы хотим быть нас всегда уже ожидают

перистальтика времени его извивы толкающие нас

посмотри оно пружина сжимается и выпрыгивает но не в новое
вся история уже готова — у нас внутри

и мы всегда только возвращаемся

[когда вернёшься, после преображенья

твоё настоящее имя

напишут

на белом камне]

* * *

лошади ходили по стеклянному парку были задумчивы
незрячие шли к церквям просили указать им дорогу
пальцы играли холодный ноктюрн прикосновений
мы прощались и время жестокое как лезвие в мясорубке

а внутри у меня глубокий чёрный мозг
и размытые представления о собственной значимости
и вокруг меня ни стыда ни славы
водянистый троллейбус переехал мою маленькую жизнь

лужи бросаются ему под колёса
и листья занимаются самоубийством тоже

запрокидываю острое лицо
прихожу в немую просветлённость

что-то происходит с нами а мы его и не видим
что-то не касающееся земли –
осень с её ледяными прудами парящими
над поверхностью
осень с женщинами в тёмных одеждах
хрупкими смертными никому не дающими

поднимай свои белые и голубые глаза
чтобы бледное пламя зрачка разъедало
бумажные декорации осени

чтобы как раньше снова хотелось и получалось
смотреть на меня с ощущением полного права
преподавать онлайн немецкий язык в июне
не любить москвы а жить вообще в сибире

но стихи наплывали как звери с больными глазами
не видя дороги и нас как мишени сбивая
и потом долго был листопад
и мы не умели сказать друг другу

и троллейбус качался, и столкновения неизбежны

* * *

если бы знала ты как не хватает простора
если бы видела как я шагаю без тени геройства
по чахоточным улицам по бледному снегу
и мосты не сторают за моей спиной

я мечтаю свернув в аллею о преступлении века
и нож у меня в кармане и в уме молитва вийона
хорошо тебе уплывать на кораблике света
растворяться в луже эфира миниатюрной

маленькой жизнью живёшь путаешься под ногами
хорошо тебе ни о чём не думать
знай плыви себе перетекай по кирпичной кладке
но оба мы не такие какими хотели

и серебряный пистолет у меня в кармане
ненастоящий стреляющий газом нельзя им защититься
и руки мои тоже в карманах –
стыдно держать их открытыми богу

20

хорошо не знать как живут нарциссы
где мне взять моего героя и поменять нам жизни
из какого стихотворения вынуть
из чужого стихотворенья присвоить

но не наши монеты тонули в цветном фонтане
памяти некуда возвращаться нас никуда не звали
мы только смотрели на бури воды в стакане
и всё о себе мы знали

* * *

СТРАННЫЙ АТТРАКТОР

Как мне нравилось чувствовать время сплошным и глубоким,
густым и лучистым,
чтобы видеть себя во всех состояниях сразу и видеть тебя отовсюду.
И потом покрываться многоэтажными снами.
И детским умом вращать перед собой бесконечность.

Как мне нравились стихи вообще за их непонятную форму,
в которой всё в переключке и всё вытягивается одно из другого.
Как мне нравилось думать, какими мы будем в старости и деревья в
городе нашем,
как всё может быть — *любьм* одновременно, и друг другом тоже.

Но пока мы жили — что нам было до времени?
Мы взбивали его до состояния скульптуры, тратили наше лето.
И мы плавали в этом сне на лодке в огромном фонтане
и опускали на воду тысячные купюры.

И не знали тогда, что в пыли, в воде, по дороге к аэропорту
и напротив дождя и стёкол, металла и лязга, по ту сторону всех
материй
лежат и лежат абсолюты, работает странный аттрактор,
близятся голоса, неправильные слова, непобедимые светы.

...Части комнаты вращаются —
в каждой точке на пути моего взгляда сияет всё живое и всё
неживое —
и кормлю я его свежей болью,
потому что собрать и любить всё это — меня не хватит.

Потому что из пыли и света скатать, принять и хранить всё это
нельзя — *и можно* — в одном всего человеке.

* * *

ОППЕНГЕЙМЕР. ВОЛЯ И РАСПАД, ТРЕПЕТ И ПЕПЕЛ

Мистер Джулиус Роберт заплакал, увидев тебя и меня
на последнем ряду, механически шляпу поправил.
Вот он курит и кашляет, курит и курит, и смотрит на нас —
и не смотрит, и вовсе тебя и меня он не видит.

«Оппенгеймер, — кричат, — через пару секунд начинается новая
жизнь.

Да, спасибо тебе, но теперь уходи, мы теперь уж тут как-нибудь
сами...»

А потом начинается новая жизнь, и снимают кино,
где он всё-таки сын государства, ещё и немного преступник.

Через пару секунд ослепило экран тишиной.
Поднимаются столбики пыли, кораблики чёрного света,
разрывает пустыню, песок рассыпается вверх,
и младенец-пророк проповедует пепел.

Мистер Джулиус курит и отпрыска не признаёт,
потный лоб накрывает изломанной шляпой.
«Поздравляем, папаша. С наследником вам повезло.
Наши лётчики завтра японскому небу расскажут».

Мистер Джулиус смотрит на бомбу и шлёт наши планы к чертям.
Никакого вмешательства в наши дела, в наши смерти и войны.
Этот взрыв — воплощение себя самого
и стерильная, жадная воля искусства, его диктатура.

Это чистый распад, это атомов мёртвых балет, золотая пурга
на холодных зрачках истощённого снами абстракциониста.
И он верит не в жизни чужие, а в сладость табачных листков.
Пересохшие губы дрожат, обжигаясь.

Кто в его положении просто посмеет остаться собой?
Кто останется здесь, в этой вспышке, один на один с этим светом?
Это стоило жизни и жизнью. (Вот бы мне так давались стихи...)
Труд страстей заставляет распасться лицо. Гениальные слёзы.

Как он выточен, как он искусственен, хрупок и честен с собой,
как он верен себе, абсолюту и шляпе, и как предписаньям неверен.
Жалко, я не умею и ты не умеешь вот так.
Нам с тобой не дойти до предела, не встать у предела.

Нам придётся в пожаре, в квартире, в сортире смотреть в зеркала —
вот и вся наша честность с собой. Ждать и спать, говорить о
культуре,
жить без правды, и жить вообще ли. И всё-таки жить.
(Оппенгеймер на этом закашлялся, заулыбался.)

«Про измены не будем, чтоб больше не путать имён.
Дай мне руку, так страшно, найди нам такси и поедем.
Ты — не он, а вот шляпу ты всё-таки можешь купить.
Но курить и записывать грустное что-то — не надо».

Никогда не узнать нам про лёгкость своей правоты.
Назову тебя бомбой для рифмы больной и тебе непонятной.
Нам пора подниматься, мой ядерный взрыв. Истекает сеанс.
Нашим атомам надо вернуться к бесчестию, к смиренью.

Анна АЛИКЕВИЧ

Родилась в Москве, окончила Литинститут, училась в аспирантуре по кафедре XX века, журнальный обозреватель, преподаватель грамматики, корректор. Живу в Подмосковье.

Как критик сотрудничаю с «Уралом», «Новым миром», «Просодией», «Формасловом» и др. Стихи публиковались в «Авроре», «Урале», «45-й параллели», «Прочтении», «Кварте» и пр. Есть сборник: «Греческие: стихи с античными мотивами». — М., Формаслов, 2024.

ВЫШЕДШИЙ ИЗ ЛЕТЕЙСКОЙ ВОДЫ

1.

Мне плохо плохо я говорю
Говорю с тобой куст говорю
С тобой уст
Рыбьим устьем такое время большое
А я моллюск
Колесу молюсь я
Говорю с тобой мой отче
Сиреневый жимолостный ночью
Мой медведь моя шуба
На звездную твою ладонь дышу я
Выходить мне не хочется
Вставать не хочется
Но какой у меня выбор
Складывать горошину к горошине
И быть счастливой вот всё что я хочу
Но так ведь знаешь сам не получится
Чебот набрал воды
Солнце над сливой
Так не бывает Одиссея всегда одевают
Он убивает он убивает
Он история алое море алохомора
А я что я чечевица
Что мне остается
Остаться стать прялкой твоего смысла
Стать веткой твоей лиственной

Ждать тебя из темноты
Сколько это продлится
Русалки как крабы висят на тебе и кроты
На вышедшем из летейской воды

2.

*Мне кажется, что с возрастом всё дальше
И дальше люди едут друг от друга:
Уносит их эриний эскалатор,
Увозят невозврата поезда,
А я стою всё так же в точке схода,
Одновременно точке расставанья,
Держу в руке пушистый цвет лиловый
И кружку с сединой, игральной костью,
И сон выходит изо рта, как ящер.
Рождаются, уходят, умирают,
А я тяну туман и полотенце,
Тебя гляжу в подзорную трубу:
На снеге, пересыпанном цветками,
На книге, изрисованной и рваной,
На крошками затертом одеяле
И даже в луноходике с луны.*

25

3.

Я не то что тебя не слышу себя не слышу
Весло Ахиллесово мне в уши
Я по полю бегу заря зоревучая
В волосах бараньи рожки
Как думаешь кто я
На платье моем солома сорома
Думаешь не понимаю
Что никто не вернется из ночи темной
Разве что безымянная
Разве мне пойти послушать сломанный приемник
Постучать на залитой машинке
Словно я не помню этот текст без ошибки
А ты что делаешь
Пересчитываешь деньги и складываешь в банку
Пока я кричу траве в каждую ранку
Нам с тобой говорить вредно
Потому что мы одна хрень да
Только я еще молода потому тебя дожидаюсь

Но мне все же достаточно лет
Чтобы знать этот путь богов
А помнишь двух птиц в костре
Спасся один и другой
А увиделись через много лет
Посмотрели вслед прошли стороной
Черный грачонок мой

4.

*Остановись — уже всё происходит:
Вот озеро, тысячецветник, мостик,
И звездный мостик, буренький листок,
В тебе дыханье — Бог вдохнул — и бьется,
И ты качаешься на ножке,
И он идет.
Так счастье — капля дождика, горошина,
И камень, гретый солнцем, на асфальте,
И фантик смят на колее проселочной,
Чужое выцветшее платье.
И это Бог всё дует сквозь пузырь,
Сквозь уток и гусей, иканье в трубке,
Когда тебя такую не любят,
То никакую — это уж проверь.
Но я ничто — зерно овса в луче,
А ты, конечно, несказанно более —
Жука ты дирижабль через поле,
Цветка прожектор в тысячу свечей.*

26

5.

Успокойся: чужое твоим не станет,
Твое станет чужим.
Чье оно, которое прирастает —
Пузырьки, миражи?
Нет, ты скажи — я достану тебя из ржи, из лжи,
Кто дал тебе это право,
Пройду сапогами дырявыми
Сквозь капкан, что ты положил.
Ты знаешь, я же сорочья память,
Сборщица стылых колосьев,
Волосы твои заплетаю,
На два голоса поёт всё.
Это я, твоя дочь — вот мой ключ,
Разве не помнишь?

Я прошла лес плакуч, и камень горяч,
 И повернулась в четыре стороны.
 Это я, вода меж пальцев, в платочке свет,
 Не гнется, не ломается то, чего нет –
 Но я есть. Имена медведя и медведихи,
 И лесного лиха,
 Я пришла и повернулась на месте,
 И топнула оземь: явись мне без мундира,
 Отличья и иного обличья,
 Людской решетки и сетки звездной,
 Генералом сделать солдата может –
 Но зачем такой генерал?
 Я пришла, топнула ножкой –
 Ворон, не умирай.
 Я знаю, ты настоящий,
 Читала про хор мойр имени Моссовета,
 Знаю, ты не променял бы себя на это:
 Голос еловых веток,
 Ружье в ночи,
 Эолийское лето,
 Жизнь под древесным стволом стучит,
 Под подушкой спит до рассвета.
 Прорастай лиловым, говори цветами неведомыми,
 Не молчи,
 Будь мне вместо свечи.

27

6.

*Матка-ночь расскажет о тебе девочкам,
 Ива узкопочатная о тебе споет,
 Братец-ветер тебя укачает,
 Братец-день подставит свой свет —
 Разве это не счастье, лунное серебро лет?
 А потом мы с тобой ляжем
 На теплом нашем, и звездном,
 И деревянном ложе,
 И ночь промеж нас проберется,
 И я буду ночь, и ветвь осиновая — ее хлыстик,
 Расскажу о тебе — держись меня,
 А ее, холодную, жилистую,
 Её, идолицу, выбрось,
 Не трожь.*

Комментирует Данила Кудимов³:

Название подборки Анны Аликевич вступает в диалог с, как мне кажется, достаточно важной публикацией Льва Лосева — «Летейская библиотека»:

Ни Риму, ни миру, ни веку,
ни в полный внимания зал —
в Летейскую библиотеку,
как злобно Набоков сказал.

В студёную зимнюю пору
(«однажды» — за гранью строки)
гляжу, поднимается в гору
(спускается к берегу реки)

усталая жизни телега,
наполненный хворостью воз.
Летейская библиотека,
готовься к приему всерьёз.

28

Я долго надсаживал глотку,
и вот мне награда за труд:
не бросят в Харонову лодку,
на книжную полку воткнут.

Идёт работа с забвением, с понятием памяти и забывания. Можно вспомнить и популярный двухтомник «Летейская библиотека» Александра Соболева, который оживляет забытых поэтов начала XX века. Становится понятным, что подборка Анны Аликевич — выходец из мира забвения. Из забвения нам возвращается фольклорный напев:

Матка-ночь расскажет о тебе девчатам,
Ива узкопочатная о тебе сплет

Внутри стиха Анны Аликевич смешивается древнерусская и древнегреческая сказовая культура. Из забвения (в том числе и с

³ Данила Кудимов — литератор, организатор журнала «rosamundi», лауреат премии им. Станислава Мокина, входит в двадцатку лучших дебютантов 2022 года (выбор Бориса Кутенкова). Некоторые работы опубликованы в газете «Глаголица», журналах «Формаслов», «Дегуста», «Полутона» и «Нате», издательстве «Перископ-Волга».

помощью модифицированных гомеровских сказовых формул)
выстраивается Одиссея убывания — возвращения из небытия. Книга
сбрасывается с библиотечной полки, с форзаца стирается экслибрис,
ослабевают плетение, с листов стекают чернила — письмо,
запечатлевшее жизнь, вновь становится жизнью, её частью:

Так не бывает Одиссея всегда одевают

Он убивает он убывает

Он история алое море алохомора

А я что я чечевица

Что мне остается

Остаться стать прялкой твоего смысла

Стать веткой твоей лиственной.

Кирилл ТРЕМАСКИН

Я — поэт!
Родился, вырос, влюбился, женился — в Москве.
Обожаю рок-н-ролл, Пуччини, Чайковского...
Маяковского.
Вместе с женой и вокальным коллективом
Гармония я покорил сцены во Владимире,
Гомеле, Рязани, и вулкан Авачинский на
Дальнем Востоке!
(Помню, как ноги скользили по осыпи,
и больше ничего не помню:
муза наступала на пятки).

Трамвай

Трамваи уютжат Москву,
Железной нитью
Отделяя парковый покой
От сумасшествия улиц,
Где тон задают
Светофоры и знаки...

Но мне до них нет дела —
Я пассажир
И под перестук колёс,
Путешествую во времени,
Глядя из окон трамвая
На дома прошлых столетий.

Раздаётся последний звонок.
Наступает лето.

Despite Repeated Warnings

Несмотря на множество предупреждений
Мы смотрим вверх
И видим новый день таким,
Какой он есть.
Вдохновленные рассветом,
Мы пишем стихи, как поэты прошлого,
Иногда забывая о том,
Что к десяти на работу.
Не пугает даже объяснительная —
Когда-нибудь это мифотворчество
Присмотрит писатель-фантаст.

Мы только начали, как казалось,
А день уже перевалил за экватор,
И в пробках стоит Москва —
Город куда стекаются люди, как потоки лавы,
И уходят под землю.
На их плечах вырастают деревья:
Древо жизни, древо познания
И генеалогическое древо.

Мы спим.
Нам снится, как мы выходим на сцену сказать зрителям, что
концерт будет,
Но в другом месте.
Они смотрят на нас
И не понимают, кто мы
И что мы делаем на сцене обсыпанные мукой?

Сквозь сон мы слышим любимую с детства музыку
И просыпаемся нежно обнимая в темноте
Свою любовь, что лежит рядом, свернувшись калачиком.

31

Творцы
Столпы творения...

Взрыв вселенной —
Прыжок лошади в пустоту,
Где люди борются за выживание
(Рук не видно — битва умов!).
Столпы творения
Ищут свой голос...

Великий шёлковый путь
Невозможно прервать,
Пока жива Земля.

В месте,
Где не ступала нога человека —
Среди разнотравья —
Спят столетья.

Где-то рядом
Бежит и смеётся река.
Весна — радость жизни.

Полдень.
Один за другим,
Творцы уходят на небо...

Преодоление

В пять утра
Уфа похожа на птицу,
Которая никак не может взлететь.
Преодолевая желание спать,
Мы ехали в горы.
Через лес.
(На снегоходах...
Сани брыкались подо мной, как лошадь)
Я представил,
Как старый, верный Вяйнямейнен,
Идет по лесу за оленем,
Слагает песни.

32

Звучала флейта
(ветер играл на трекинговых палках) .
Мы поднялись на вершину,
И встали там в лучах солнца,
Вместе с теми,
Кто пришёл туда
Раньше нас.

А когда мы спустились,
То свет был уже всюду
(в том числе электрический).

Сталинские высоты

Сталинские высоты,
Похожи на камни Стоунхенджа.
По ним, как по солнечным часам,
Можно определить время,
Когда пора уходить.

На своих шпилях,
Башни держат небо,
А вокруг них растут леса
Со множеством обитателей
Снующих вверх-вниз,
Игнорируя небожителей

(старый Иггдрасиль, иссохнув от зависти,
Сломался, обнажив годовые кольца:
Садовое, бульварное и экватор).

Олег ШАТЫБЕЛКО

Поэт. Родился в 1968 году в Переделкино. Окончил Московскую государственную академию лёгкой промышленности. Публикуется с 2001 г., сотрудничал с журналом «Современная поэзия» как выпускающий редактор; входит в поэтическое сообщество «Полутона». Публиковался в журналах «Новый мир», «Номо legends», «Волга», сетевых изданиях. Автор стихотворных сборников «Боковое зрение» (2002), «Как дела, Венечка?» (2003), «Воот» (2005), «[кстати, преодоленный]» (2009), «Эмболия врёт» (2019). Тексты переводились на английский, немецкий, французский, итальянский и японский. Под гетеронимом Гала Пушкаренко печатался с 2018 г. в журналах «Номо legends», «Зеркало», «Здесь». У Галы Пушкаренко вышло пять книг стихотворений: «Матрица Э. Дикинсон» (М.: InВерсия, 2020), «Кто убил Лору Палмер» (М.: Русский Гуливер; 2020), «Invalid acid: недопустимая кислота» (М.: Книжное обозрение (АРГО-РИСК), 2020), «Федератив» (М.: ЛитГОСТ; 2021), «Карниз воды» (М.: FreePoetry; 2021).

СОЛИЛОКВИЙ

34

.....

Разбив слова на слоги

, она расстегнула свою одежду

Да,

все мы здесь медленно сходим с ума от молчания

(от у мол ча ни я) —

.

Да, давай нарежем Вагинова и Булгакова

Да, рождество, зимний мёд, снег — код меланхолии

Да, я — ничто-речи — анти-ничто

.

Соединив слова в повторения, она

застегнула на себе одежду

, как молнию до подбородка —

.

Угловое зрение стихотворения

Угловое ускользание стихотворения

.

Семантика — это время внутри катастрофы

.

(не время-катастрофы как две параллельные прямые, а

момент катарсиса: разрыв хроноса и его мгновенное сращивание)

.
То есть ты есть, но ты ещё и то, чего больше нет

.
(рана; шрам) Текст уже вчерашней новости
Текст не видит тебя, но занимается с тобой сексом,
любовью, государством, вечностью

Он: местный городской сумасшедший-тебя
; он: твой ангел-небытия', сиротство-речи, яблоко-сшивания

.
Разрезанный на: поле-распада, поле-пустоты, поле-без-страны,
полицию и народовольцев

.
(поле-наоборот)
(поле-наоборот получает смыслы слов отделёнными от себя)
(от тела, от болеутолённости, от бело-удалённости?)
(сепаратный мир тр@хает *куликово поле* как
взорванные рты воро'нок) (во'рон и вороно'к летят)

.
(я хочу?, чтобы поле-наоборот захлебнулось метафорой-себя)

.
То ли брат, то ли форма бородинского хлеба — баснословны

.
Зеркало-мы висит как тунгусский метеорит в глазу
росс-империи. Мы проморгали одиночество

.
<и кровь не отвлекается на причины>,
а новые слова не изменяют историю —

.
куст: сонливость — сор-сюрреализма — сонливость

.....
Она не помнит, ЧТО сделал (*произнёс*) этот фотоснимок:

Он останавливает?

Он гемофилия?

Он внутри стихотворения?

Он : эхо?

Он : время

.
Он изменил геометрию и форму

И я расшатывает поле-наоборот

<Как только образ получает имя — он преследует тебя>

.
Она не помнит, ЧТО сделал этот фотоснимок????

.
Если он садится на фон, с которым не может слиться — он мерцает

.
(как селфи-контекст) : (селфи-с-дождём) : (селфи-в-дожде)

.
Поэт_ка рисует смысл текста
Поэт_ка рисует смысл речи
Поэт_ка рисует смысл музыки

.
Белое водит карандашом себе по лицу
Белое водит карандашом по лицу раз гне ван ного

.
Вагнер, ты слышишь, Вагнер?,
я буду твой вечный жид — Тангейзер
Ты слышишь семантику гармонизированной?
Я слышу семантику разобранной на вечные-невозвращения

.....

Не смогла досмотреть любимый фильм Годара...

От непонятого чувства Выворачивания...

Слов не было...

Потом досмотрела в отупении, равнодушии, отречении....

Но слов не было...

.
Торг-речи, ничто-войны, яблоко-сшивания

.....

Зато легко смотрела старые советские военфильмы

Словно не могла напиться

.
Что это?

Это ничто откуда?

И что со мной?

И что это ничто со мной делает?

.
Ни одного знака, сло'ва, значения

Анти-Орфизм (режим ревербального, возвратного огня)

Невозможно соврать (убивающим вакханкам)

, оглянуться на Эвридику (сорваться в Эвридику, стать ей)

.
(идеальная поэтическая неслмерть?)

.
Обратная-вода-будущего

стоит в горле, в волне

Ты с теми, кто спрятался в вавилонской
башне дождя

Тебя нет как человека

Ты есть как ожидание-речи

.

<без нашего мгновения смерти бог разорван>

.....

<Пой же, пой> (Есенин).

(эмфазис создаётся повторением).

<Руку мне подал на прощание> (Чехов).

(эмфазис достигается инверсией).

.

Анализируя внутри скорости.

Анализируя внутри стихотворения.

Внутри (во время, в процессе) дриблинга.

Двигаясь снаружи лонгрида. Сторителлинга. Нарратива.

.

Это как свободный, обратный пафос,

дышащий катастрофой.

(Её банальностью).

Даже короче.

Это как свободная ирония...

.....

сметь написать стихотворение о Ницше — ничто-иронии

сметь, но не написать эссе о Целане — ничто-войны

сметь написать стихотворение о ничто-войны — между-речь

.

Молитву может прервать (предсказать) только поэзия

Поэзию — только ничто-времени

.

Представь, подставь, донеси

Пронеси чашу мимо меня

, святая Лу Саломе —

.

Я идёт по пояс в снегу

(против волхва идёт): не идёт, а борется —

следы белого вытеснения: агентность: полисемантика

.

Нет, ничего не чувствую

Нет, ничего не чувствую

Нет, ничего не чувствую

.

Во имя отца сына и свята'го духа : Аминь

избыточное тело избыточного времени
отражая даже с закрытыми глазами

.
Ничто-его (мимесис?) говорит: снов нет:

.
но структура сна стала литературой — это
эхо возвращает крик медленным, бестелес
ным — ах, да: он спокоен, но происходит
; отстранён, но: внутри стирания стихотворе
ния

.
Знаменатель. С днём рождения.

Схватываются ли в форму (места и време
ни) слепленные тобой хлебные сверх-чело
вечки? — и ты (невидимо) указываешь на
фобофилию их некрови.

.
Слипание.

.
И: вот на этом *горяче-холодном поле* мы
едем как говорим о медленном жа'ре, о
за_москворечье, о его крошках верлибра
крест на крест

.
*<Скорость перемещения значений
достигает скорости их уничтожения.
Неразрешимый, нереализуемый образ>.*

.
Эффект отклонения языка ничто-войны.
В воду-в воду рука пишет. В отражение.
Как забрало-реки. Как анти-материализм.

.
Размыкание картины мира: поэзия не сущ
ностей, но отношений переходности
: снимающих себя
(; и друг друга).
Поздно. Поздне-стёртость.
Ось-холода. Кость-города.

.
Здесь-в-будущем-без-поэзии.

.
*В двух надписях излагается судьба царь-
колокола до 1733 года — В третьей*

*указано имя лившего колокол мастера
Ивана Маторина с сыном Михаилом —
в зрении Тарковского <Андрей Рублёв>
тавтология (в лице мальчика Бориски)
формообразует
чёрно-белое молоко-молоха
: Речь отражается от рифмы*

.
, обесцеливаясь

.
*Ты, я и автор : силлабо-тонически раз
делены голымудвоением человеко-звука*

.
(Да, я не ошиблась — разделены)

.
*Ведь войдя в воду истории — мы
ещё ни лёд ни торосы, но уже
размыкание времени;
а лёжа на ней (в этом равном моменте)
: удержание отражения безоружным*

40

.....И
*<мудрость ваша действительно мудра, но
на деле бессильна, а значит
следование ей — безумие>*

.
*Мародёрствуя себя
знобит солдат:ка
зуб неба*

.
*ТАК в меня генно прорастает камень;
философский камень
, разбирающий крест*

.
*— Я не понимаю — не могу
— Но и никто не может понять сыно-смерть
— Но мне нужно понять!*

.
*Анти-имажинизм: мгновенный топоним сна
, который реально-жив — стихотворение
белеет, вшиваясь: вмешиваясь-сдвига*

.
*обол носимый нами во рту семантически
: оболочка речи, сосущая невесомость чернил*

уничтожение метода — сломанная пластика — говорение сразу через ничто — ТАК ребёнок произносит осознанный плач ... (выыыыы _____дох)...
Удвоение театральности (кабаре, зонги, зонги)
Зоны маргинальности, но внутри закона : добавочное время создаёт демократию встроенной в кадр военторга, что делает бавленое вино⁴ методологически дезориентированным телу (вдох: вход в ничто тела)

.
*<Трава написанная отдельно>
<Астра без надлома прошла меж родиной и бездной>* (Целан) — снились

.
осколки стекла в форме смартфона: зачерпнёшь в кармане, бросишь горсть на стол — они лежат с разрывами, образуя над собой образ цельного экрана — или

42

.
горят над ладонью (иногда их хочется съесть, высосать как конфетки): работая пальцами внутри горения, разворачиваешь это пространство в письмо

.
Надо ли говорить, что пересыпаемые из руки в руку или выброшенные в корзину, они: слова-ключи: например, *<прости, я ушла>*: проглоченно-запитые водой, на которой теперь написано: «*алчущие сопротивления, да растворятся в себе*»

.
*Таская значения за' волосы
Сама становишься словом <сволочь>*

.
Думать расставанием, ничто-войной, защ(з)емлением гравитации — это

⁴ из стихотворения Ирины Шостаковской (примеч. автора)

Превращая телесное яблоко в бес
-телесное
Внешнее дерево во внутреннее
Внешние облака во внутренние — как

.
Первый снег — первый порядок
(точка наивысшей волны)
И
Ярость не исключает воли

.
ТАК присвоение-языка метафоризирует
язык, прислоняясь к коммунизму
, уравнивая знак и ничто-языка
, ничто-знака и манифест

.
И ревизионизм стекленеет, музицируя
.
*...(строить ничто как пространство, как
время:где строить значит завершать,зак
рываая собой объём, фобофилию, скольже
ние) : (маршево; сквозь марево; стоя на
крыше) : (наверно, влюблённая в Бланио)*

.
Свобода не может закончиться — она пере
ходит в людей, в культуру, в язык (в бел
ый шум, радио-треск, многоточия) (остро
потустороннее)(закончится — этобыть за
чем-то, за чертой, после себя) (после при
чины) (как послесловие; послед) — ВОТ

.
стихотворение говорит как пьяный угар:
Родина,я принесла тебе истину:на, возьми
Не возьмёт, скажет хрипло, прогоркло:
мне всё равно — И спазм разорвёт мета'

.
фору <как отчаянно, как не дыша, в смерт
ный захлѐб>⁵ — время стачивается что ка
рандаш, смещая бездомность не души, а
*номад-пре_возлюбленных <волос твоих,
суламифь>*

⁵ из стихотворения Сергея Круглова

*И в этой смерти
она оказалась разобранной на
языки огня — в них она жила:*

.
ходила, сидела, лежала, говорила, смотрела
Сама себе: куст-горящ : место-холода и
ледяное пламя — развивающейся
быстрее себя, но равной себе, ризомы —
оберегало, собирая речь в звуки света

.
Стон: это естественное состояние тела в
покое — в эти годы таких кустов было
множе_ство — и они обнимались в посте
лях, на улицах, в кинозалах, в магазинах

.
И раз уж мы здесь
совместили суд с литературой —
механизм воды, системы-<никогда> и
леммы-мы: охраняют нас от метафизики

44

.
*ведь дождь (а потом снег) — это мно
жество-моих-я, размыкающихся в крик*

.
Камень замыкаем
Камень замыкается в течение воды

.
Я иду по мостовой в истекающем
Я:дождь,я:истекаю,я:мартовские-иды

.
Точнодева: набережная москвы
облокачивается на меня

.
Молчание — это безвременье
Прибывая в безвременье я лечу к себе

.
Молчание — это речь-безвременья
У неё никого нет, кроме нас и Родины

.
Ничем немотивированное безумие моет
руки в лице, отрицаясь, кормясь

.
*анти-гравитацией-Вергилия, с которым
не говорит никто даже в тишине-дождя*

.
... и ты зависаешь в своей руке, отразив
шись от жеста; перейдя в слышание-руки
; услышав своё ничто-языка

.
<Речь как зачатие Марии чрез слух>

.
Я в этой строке — водопад
И в этой строке я — тоже водопад
На свободной воде мы — отражённость
неба: и мы закрывает глаза, пlying

.
В яркости и невесомости одиночеств легче
ждать (например, Улисса в форме сирены)
(то есть петь Улисса, Улиссом, об Улиссе)

.
Мысль совершенствует свою способность
убивать мысль — И мы, как зеркало
, установленное меж двумя языками
, исчезаемы в обоих — *Разрезав камень*

,
я пью давида-микеланджело, исцеляя его
женст_____венность; сциллу и харибду
.....

... мы как бы спим в знаке
... знак как бы спит в режиме стихотворе
ния: миллиметр-времени разрезает язык

.
знак открывает глаза и летит,
а жезл гермеса
закрывающий глаза павшим
превращается в СЛОМАННЫЙ-жест

.
И в этот равный момент: семь герметич
но-смертных межречевых пилигримов
впадают в смех как песчинка-тела в:

.
семантическое поле собираясь
; семантическую пулю соборуя

.
Разомкнутая икона

.
Парень в футболке с Бобом Диланом на

спине — глаза большие как крылья

.

Бессонница речи, которая выгорает тем
ното'й как но'той, закрывая сжимающее
ся пространство-дня собой

.

Ей не до че_ло_ве_ка — выжить бы

.

Отделённое как от листопада тело зимо-
вмуровано в тишину ничто-войны

.

Да, ничто бывает!!!

.

постеленным как море

.

Тихо войдя против времени, отмени рас-
ставание с речью — если видишь её водо-
-прозрачной, соли_____дарной — значит
Родины и стихотворения больше нет и ты
снова родилась заживо — Позд_рав_ля_ю

46

.

*Предельная нагота разделёной частицы
Она плачет
Слишком мерцающая речь
смотрит на: шумно*

.

Розы: наводящие на мысль о при-
нуждении

Около-аполитичности : системны, меж-
мужественны

.

Срез : замораживание : проявление —
изначально

fashion:дефиле — сломанный военпарад
Можно я не буду заимствовать?????

.

срежиссированное

.

проволочное

,

проташенное по земле

.

филадельфийский коридор: кпп-лимфоуз

-лов: место предварительного удержания
звуковой вазы, когда она водопадает, но не
произносится

·
Рифма перестань меня искать
Рифма перестань меня искать
У меня нет прошлого
У меня нет прошлого
У тебя нет будетлянина

·
Я/мы — икс-текста
Я не хочу быть памятью
Форма-времени как шопот-лотоса:
— Пристань каждого лепестка
раскрывает-рассказ(л)ывает пространство
, ритмически и темпорально вырезаясь из
шагомера-удвоения,
силлабо-тонически отстраняясь в языке

·
дождь, переходящий в реку, саморазруша
ется — но не-вода, а лес отражает шелест
ветра, наши разговоры, их слепую ярость
, рф-рифмы, хлебных сверх-человечков
вышесебя

·
Да, мы были не в ладах с бесконечностью
А книги семантически самоустранялись

·
Просто мы стали умирать со скоростью
Ладомира — то есть, ухватив язык:
обязательно распадаешься

·
Порядок руинирования: ново-
смысл—насилие—мейнстрим—смерть
смысл—насилие—мейнстрим—смерть

·
Вода стирается быстрее чем мы пьём
Кодировка моется с тобой под одним
душем (*тр@хаешься вчистую*)

·
Между речью и пост-пандемийным
бескровием

Башня-дождя, как трахеостомия
свищет, внутренне вскрываясь,
уравнивая ничто-времени и ничто-языка

Мита ОВ

Старший редактор ЭКСМО,
литературный редактор, филолог,
преподаватель в школе писательского
мастерства, поэт. В прошлом
преподавала цикл языковых дисциплин
на разных ступенях образования.

*Похорони меня в своих объятиях.
Пауль Целан, Терновый венок*

49

ПАНИХИДА

Вами, живущие и царствующие,
молитвослова иссалив переплёт,
каждое слово
в покаянном шепоте приговора
воздвигается на эшафот.

Все чаще спрашиваю —
отчего мне, живому,
с душою на несколько вёрст,
боли было дано величиной с крест,
который Христос на Голгофу нёс?

Прошлое!
Очерти памяти пустое дно
одиночества замкнутым кругом.
Сердце мое из груди вынь,
раздай каждому, кто назовётся другом.
Кости мои перемели в труху,
развей по ветру, будто и не было.

Под каждой строкой подписываюсь:
«Никто».
И начинаю обратный отсчёт времени.

10

Вразуми разуму заумь умов великих,
что населяли землю,
может, под весом их интеллекта
к несправедливости я ослепну.

Боже!
Твои сломались весы,
так ты хоть на глаз все взвесь.
Кому мстишь за грехи мои,
мыслей моих выливая спесь?

50

Помилуй их.
Сам говорил,
мол, не ведают,
что творят.
Зачем меня к алтарю подводишь,
показав земной жизни ад?

Мне, любовью весь мир воспевшему,
самому любви не досталось.
С удавкой удобно только повешенному,
а я с ней, Господь, задыхаюсь.

Доволен Бог,
что горла иссохшего
голоса нет и не будет,
Его правда законы вершить
мерилом судейским человеческих судеб.
Ниспослал Ты, судия небесный,
пытку, Тебя одного достойную,
Боже,
Боже мой,
разреш все Твоим правосудием.

Выйду на суд Твой раздет до костей,
наизнанку выверну всего себя,
вгрызайся, бродячих собак голодней,

кусай, давься, плюй,
хоть сотри всего в пыль,
судейством себя оправдывая.

9

Воевать за последний вдох воздуха,
ведь он пополам не делится,
вакуум космоса жадно черпает
ковш созвездия большой медведицы.

Звёздам падающим не загадать желания,
их заживо сожрет атмосфера,
славься Родина обречённых на выгорание
представителей новой эры.

Спрячт туманности о мирском сотворении:
что было прежде —
пустота или хаос,
в чем зародилось
зерно прозрения,
когда свет
последней звезды
умрет
от усталости?

Слепо тараща глаза в августовское небо,
год за годом считаю
хвосты комет,
говорят, там,
за синими небесами,
целый мир,
но его там нет.

8

Не вспомню ни час, ни минуту, ни миг,
все сотрется, себя изломав,
меня в бездонной бочке Динаид
слепого и немощного
топят в своих же словах.

Хочу замолчать, разложив в тишине
истину смыслами,
но только ли сможет простой человек
в вечном твориться мыслями?
Смех!
Красной краской обугленной ночи
моя голова на глазах у всех
становится не полнее тех бочек,
в себя заливая бред.

Заливай, заливай, заливай,
вокруг уже пруд пруди,
даже ноев ковчег не достигнет Рая, покоренный течением
заповедей.
Так пусть будет же мир!
Каждой твари,
Боже,
пару, как велено, сотвори,
а меня, пока в водах Твоих не умер,
истреби, истреби, истреби.

52

7

Седмицы сердца посева весенние
истоптал на последнем дне,
посмотри, Господи, что со мной сделали истин смолящие речи твои.
Смотрящий, но невидящий ты
подоспел сосчитать грехи,
ненавидь, ненавидь, ненавидь меня,
Господи,
я такой же, как все они.

Знаю,
твоя любовь всеобъемлюща,
хватит на тысячи лет и лиц,
но разве предатель Иуда
любил тебя меньше воров и убийц?
Посмотри, посмотри же, Боже,
в небе кружат стаи усталых птиц,
петлю возложив на шею,
я полечу с ними.
Вниз.

Скажи только, Боже,
там за облаками,
среди миллиарда звёзд,
есть хоть один праведник,
кто не лгал себе,
совести выносив груз?

6

Сошедший с иконостаса,
что по образу и подобию Твоему сшит лежит Божий раб Тобою
распятый
и шепчет мантры молитв.
Смотрят пустые глазницы
когда-то живых серых глаз,
как гематомами ночи
покрывается небо
и все погасает в раз.

Забутье.
Забуть бы.
Запить бы жажду, что вяжет язык,
честное слово обещанием выжжено, вымощено на пустой улице,
где шёпот звучит, как крик.

53

Смятые выдохи шумного города
замирают в пыли на губах.
Я бегу в темноту от каждого шороха,
но бежать больше некуда,
нет силы в ногах.
К тебе одному вызываю, Господи,
не дай же сойти тут с ума!
Когда, Господи, будет мне послана
вечная тишина?

5

Протрезвевший помянет жертву палач,
опоясанный памяти слоем пыли,
Шею целует гильотины часть,
которую приговоренные к небесам возводили.
Позабутый разум потечёт по земле
красного смеха кровавыми полосами:

Всем, кто когда-то был рождён на земле,
не избежать смерти зовущего голоса.

Стою пред Тобой, Господи,
преданный раб Твой,
дожидаясь руки Твоей бой,
мой господин, судия небесный,
рыдая бессильно, прошу лишь покой,
молитвами брежу,
поцелуями губы стирая об пол,
Господи, даруй мне спасение,
ведь любить тебя — адская боль.
Похорони же меня в своих объятиях,
высеки душу, превратив мысли в прах,
дай мне, Боже, страданием напиться,
в агонии больше не чувствуя страх.

54

Помиловать душу мою нельзя,
воскрешение мертвого — вымысел,
на помосте отчаяния начиная свой путь,
я тону, лишившись, как воздуха, истины.
Уходя каждый раз с головою под воду,
в легких чувствую дыхания след,
говорят, там,
в синеве океана,
целый мир,
но его там нет.

4

Кажется вам точно образ мой
кровоточит в мучениях мысли —
все это было,
было в бреду сумасшедшего,
царствия мне небесного.

Дверь разинула рот безмолвием,
не издала даже скрипа,
тяжелым грузом душа моя,
отвязавшись, упала низко.
Своими руками,
как на войну,
собирал Бога в последний путь,

а Он с небес, грохоча затворами,
выбросил всего меня,
не успев помянуть.

Обгоревшая тень пробежала по лестнице, не желая со мной
прощаться,
рана сердца изныла всю грудь,
умоляя остаться.
Обречённому смертью
желания последнего
объятие по телу брошено,
посмотри, Господи, лежу я высохший,
как серпом острым росток скошенный.

Забуду, как четверть часа назад,
выпуская из лёгких боли дым,
я молил небеса о вечности
и просил, чтоб отпустить Бога, сил.
Но не вымысел,
не веселья звон,
разразившись кровавой смутой,
в тайной вечере
Господу
не дали спасения,
как бы я не просил,
целуя Его Иудой.

И у этой истории нет другого конца:
любви своей тяги не выносив,
Иуда в петле повис за Христа,
место в раю Ему вымолив.

3

Тризна трясущихся рук
вдоль горла,
я смотрю на Тебя, Господь,
умирать, говорят, не больно.

Озверел обезумевший,
солью слез натер раны,
Равным был бы Тебе,
но так и не стал им.

Грехопадение души,
лишая мыслей
об отречении
от земной жизни,
будто бы в небе,
где язвой кровят облака,
есть спасение души,
заклейменной печатью греха.

Я пытаюсь уйти от себя,
но меня преследует тень,
даже полная темнота
не избавит меня от проблем.

2

56

Задавленный
собственной немощью,
плюющий на отражение
в зеркале,
как дважды
на два
помноженное —
в четыре руки
точно песнями
из слов
себе
могилу
выстроил.

Выстоял,
высмеял
всего себя
с головы
до пят:
жалкий урод,
трус,
предатель,
никчёмный идиот,
ничтожество,
круглый дурак.

Сам поверил,
что кому-то
нужен,
что голос сильнее,
чем смерть,
будто в рифмах,
кривых и глупых,
хоть толика
смысла есть.

Жить!
Но достоин ли?
Кто это право дал?
Сейчас сидит Творец,
надорвав смехом глотку,
скалится на небесах.
Смейся,
по образу и подобию
создан же,
хохочу в небо
ответным грохотом,
бессилен я перед тобой,
Господи,
не вынес я
пытки посланной.
Возложи
на плечи мои
кару розгами,
высеки душу,
выбив из тела,
я проклиная тебя,
Господи,
за сотворение
этого мира.

1

Единолично
каждым
словом,
запятой,
целой
строчкой,

я выжал
все
до конца,
до последней
точки,
моя панихида,
самому себе
написанная,
есть акт
поклонения
великому
смыслу,
я так
много
ещё
не сказал,
но вот я,
косноязыкий,
я себя
всего
исписал,
единожды,
как Бог единый,
я единиц не вижу
среди
ровных
линий,
больше
ничего
мне сказать,
единица
стремится
к нулю —
человеческий род
создан был
умирать.

0

Меня зовут Лера
СОЛЁНАЯ, мне 21
год. Родилась и живу в
Санкт-Петербурге. В
2024 году окончила
филологический
факультет Высшей
школы экономики.
Увлекаюсь визуальным
искусством, поступаю
на киноведку.
Участвовала в
литературном семинаре
журнала «Таволга».
Сейчас преподаю
школьницам и
школьникам языки и
литературу.

59

(я) помню:

жгучее вместо уха
тело волочат
пробел.
тетрадь в слезе микроскопа
остался один
пробел.
гуща в столовых ложках
они разрывают
пробел.
скомканные салфетки
в их белизне
пробел.
нож летящий к телу
визжит уважай
пробел.
дедушка щипает за бок
как разнесло
пробел.

холодные пальцы тренеров
почти проткнули
пробел.
дышать это привилегия
(я) умру под
пробел.
чуждое сверху тяжелое
терпи (я) не
пробел.
крик
пробел.
кулак
пробел.
удар

///

уважаемые пассажиры

во избежание травм убедительная просьба

держаться

всё поняла ПУСТИТЕ

60

прошу дайте мир мой даждь днесь

отче мой (я) в кольце

(я) в трамвайном конце

ОТКРОЙТЕ ДВЕРИ

срочная связь с машинистом

здесь никого

ОГНЁМ (меня)

вытравят

разбилось (мне)

не собрать

не собраться

это не конец это коуаанискати

тут угли тут газ

против него против газа

нет оружия

ПУСТИТЕ

голая кожу

ВЫЖГЛИ

нет лёгких

они испарились до

глаза растеклись

ощупью мечется

подступает во (мне)

потушить

дышать нечем

ВЕРНИТЕ (мне)

где (мои) детские слезы
теперь так нужны
потушить чем желчью
всегда был любимым
жёлтый фокусники
врали шпаги
настоящие вы
видите кровь
слова
СНОВА
СНОВА
СНОВА
СНОВА
СНОВА
СНОВА

кошмары придётся потерпеть
вы сходите на следующей

(я) с ума

61

главное за поручни

во избежание разбежаться

и в стекло

бездрушное

не разобьётся

голосование против ударов сердца
стекло против бей
замри беги
(я) второе
похороните (меня) в огне
почему это не заканчива

///

плакать в воде
так что из следов только краснота
плакать лёжа
так что уши мокрые
а звуки тонут
плакать так
чтобы не хлюпать носом
плакать на морозе
так что вместо щёк трещина

плакать в автобусе
так чтобы не платить за проезд
плакать так чтобы после
искать руками своё лицо

///

булавочками изъеденные
руки проваливаются в сон
нервы с мозгом больше
не общаются
прошу дорогие милые не нужно ссор
просто понимаете мы не можем
существовать одновременно
либо (я) либо вы
сейчас ваша очередь
вместо пулеметной
держите лучше уколы телепомех
а на самом деле вы знаете
что хотите делайте (меня) не волнует
(меня) не касается
как ты себя чувствуешь
(я) себя чувствую как без рук

62

///

вес новорожденной три килограмма
вес бомбы пятьсот
я не могу
стоять
я сяду
писать этот текст
я сдавала пол-литра крови раз в два месяца
сейчас моя страна забирает её силой
литры крови галлоны крови океан крови
крепкому сладкому чаю не перебить
голова кружится
галлоны крови
чужая кровь
она шипит
я пишу этот текст и каждую секунду умирают люди
раз
два
три
две тысячи километров

галлоны крови
на двухмесячного младенца обрушивается подъезд
раз
два
три
нет человека
галлоны крови
внимание всем
внимание мёртвым
чтобы уместить тело
гроб должен быть
пол метра в ширину
чтобы родить ребёнка
влагалище должно растянуться
на десять сантиметров
она кормит грудью
вес бомбы пятьсот
нет человека
сколько смерти можно вынести
сколько смерти
раз
два
три

63

///
мужские выхаркивания
наступают
на улицу
ровняйсь бычки
птичий помёт
скалится каша

я
иду
и мне
наступать
некуда

///
кто
| бы надрез посередке сделал
отодвинул бы органы
ища доброту присвоенную

кто
бы
руками в перчатках
впрочем пусть голыми
изнутри дотянулся бы
до ступни
нехоженной
до серебрума
неосознанного
легонько ножом подцепил
и снял
грязную кожицу
ножки гриба |
отражение

///

рраз

бух я зык

64

тре щит по швам буква

два

стон слова крик

рот тюрьма зуба

чтобы разбить твёрдый предмет незащищёнными частями тела
нужно обладать большой силой

духа

удар должен наноситься под прямым углом к поверхности
разбиваемого

на дворе трава
на траве дрова

чтобы отсекаемая часть при отработке техники не попала

в глаза

наденьте защищающие очки

чёрный пояс по гендергэпу

профессионалка

по

рраз

членению

сло_ва

///

ты зна́ешь за́чем

до́роги мо́ют

после́ до́ждя?

о́н по́днима́ет пы́ль

та́к е́е ле́гче смы́ть

пы́ль по́лзёт

вве́рх по́ го́лени

до́ждь у́куты́ваёт

на́ до́ждином

зо́вет

дву́хсто́ронняя́ му́мифика́ция

пы́лью и ка́пелью

и во́т ты и́дешь

на́ те́бя нали́паёт

субста́нция́ го́рода

ко́жа гу́синая

во́лнуётся

те́перь вы́ одно́

до́ждю́ все́ равно́

что́ в о́блипку́ ты́ не но́сишь

выдохнет

складками

плотными

хрустишь и топорщишься

миришь тело с историей

/ты/
пыли дорог
циркуляция
/ты/
тело города

///
эй сердце
сними простреленную шапку печкина

вот
в метро стоим
а глаза бегают
с тройкой птицей за челночный
ко взгляду вашему
привязаны руки наши
на нити бесцветные
дуэль
тоталитарна
не слишком ли
стало много судов
театр закрывается
нас всех
от *другого*
знобит
будьте взаимовежливы
когда летит ухом к земли
царствие небесное царствие божие
я тело мое
и подруги моей
пальцы скрестим
на шлем аидов меняю

66

Дмитрий ПЕВНИЦКИЙ

Родился в 2000 в Чебоксарах, в 2022 закончил философский факультет ВШЭ. Насколько помню, ни в одном журнале не светился, книг своих не печатал, то есть это вообще моя первая публикация. Современному литпроцессу не доверяю, поэтому существую с ним параллельно — в барах, на улицах и квартирах. В 2022 создали с единомышленниками объединение «Начистоту», слегка пошумели и распались. В последние месяцы мое пространство борьбы схлопнулось в текст, из коего я изредка выныриваю ради сценического алтаря.

Немезида

полночь в чк, выживший из ума,
будто зима — сепия потекла.
я находил, слушал, не изымал
соевый лепет смерти из-за угла.

не позову, знаю, придет сама
кромка письма — извести на карман
ссыпав, сорвет с города лай собак,
опустошит черные закрома.

глянь, на ремне, вытащу — не найдешь
мелочь в теплице, пряжу чужого сна.
выдохни дрожь, скройся в кровоподтек,
проба пера и дробь моего числа.

только бы знать, где оборвет концы
маковой гущи обморок над страной.
видишь, за мной не заржавеет цинк,
выйдешь за мной, будешь един со мной.

слушай сюда — это не благовест —
в красном макабре рожи моих чертей
нас дожуют, если не надоест,
нас позабудут дети моих детей.

сталь на персте, мир на моей звезде,
будто везде кровью блестит салют.
я дописал вилами по воде
горечь свою, вечную жизнь твою.

Кирпичка

Игровая зона для казаков-разбойников
определялась диагональю между Ловчим и Большим Полем,
а когда разбойники были пойманы,
лето почти закончилось, колыхала туча-нерадзурри,
манихейское одеяло над липким воздухом.
Это сейчас, в тени формалиновых кариатид,
в крютической пьесе рыба покормность
плавает в нерожденное море. Что до того,
что было до, вернее, не было после,
остается молчать хронофобно, собирая дички у ограды,
вырывать желтеющие зацепки из кармана вуайериста,
имитировать сцепление плёнки на выдохе.
Или так: перед лицом креозотовой скуки незнания,
будто Гвидо на мостике —
следующий шаг — это пристальная случайность.
Вот мы здесь, посреди июля, у входа в Яблочко.
Одного еще ждали, с ним были звонки и подарки —
нам теперь не нужна продавщица-подруга
или бронзолицые выходки,
чтобы затариться вскладчину.
Маслянистое ничего, лохмотья александрийской пыли —
вбирать и выныривать, различая оттенки смеха
посреди непритворной статики,
и если уж нарушать ее, то ироничной ссадиной.
Человек-полулежа источал возле нашей беседки
о-деколониальность, наблюдал вызывающе (это чревато)
западной оптикой из азиатских глаз.
Я бы мог на потеху друзьям отпинать тебя,
но закурил калумет вслед за первым ударом.
Нам теперь по пути, человек-полутон моего усеченного кадра.
Столько скрытых слагаемых или полуденный спазм —
атараксия — оттиск пшеничного серебра.
Гнездовались, как птицы большие и малые, мы
в синеве обстоятельств — и ты вместе с нами — бери и взлетай,
и глотай монохромную гладь, сновиденья Ферганы.

Март

чебоксарская горечь на синих губах.
я врал, как сорняк, в чернозем разливайки.
за прилавком не пиво — судьбу покупал,
не судьбу — отраженье во взгляде зеваки,

не стихи — недомолвки, звенящий изъян,
водяное бельмо на стеклянном пейзаже.
горевал циферблат, благовали друзья,
зеленели слова от этиловой сажи.

разлилуй на столбцы горловое родство,
подсердечный раскол на останках зимовья.
пусть нам больше беспамьятства ставят на стол —
то, что сбывься могло, не случится сегодня.

дострадай, допиши, сосчитай до пяти.
то ли птичья печаль, то ли шепот эфира
сквозь сплетенный язык розовеет, гляди —
то не день запоздал, то весна наступила.

69

Двухчастная композиция с твоим отсутствием и пластиковой
бутылкой

один

без тебя я лишаюсь зрения.
так ли это выглядело?
так ли за полшага отсюда
были равноудалены предметы,
обозначали присутствие?

тягучая, на руки просится.
отломил от целого,
форму придал, поставил.
мироточит, коптит.
заварил такую большую,
что пластик вот-вот надломится.
прослежу, чтобы дым не сбежал,
иначе с дыханием смешается,
юркнет в окошко.
прыгать, что ли, за ним?

ох, погляди, как много!

два

без тебя я лишуюсь слуха.
так ли это звучало?
так ли третьего дня
в коридоре смыкались частоты,
имитировали столкновение?

зеркальное отторжение —
по голубому стеклу
ледяные ожоги ветвятся,
грибницей бухнут,
синкретичны, неразличимы.
так безвременье учится
изъявлять свои полномочия,
производит подмену.
а я приговариваю:
варись, варись, родимая.
сваришься — отведаю.

70

три

без тебя я забываю события.
одно другим погоняет,
вырождается, злословя.
стволовые клетки ночи
остаются нетронуты.

крышку скручиваю.
проглатываю содержимое.
суечусь, аффектирую.
что же не сразу?
в тот раз же сразу.
у меня нет лишней секунды,
они все в ящичек сложены,
внесены в реестр.
ах, ну вот же!
ну вот же!
ну вот!

четыре

без тебя я теряю рассудок.
ерзаю среди знаков,
сопоставляю означающие.
безрезультатно!
так ли оно нарекалось?

а если произнести наугад
любое из слов
и другое любое из слов,
встанет ли время, чтоб приглядеться?
продолжит ли зима звенеть метонимией,
тканью сермяжной стелиться,
разбивать структуру?
нет, тогда было точно лучше!
барыга меня наебал.
а я ведь считал его братом,
писал ему: брат, охуенный штафф!

пять

71

без тебя наступает коллапс.
так в момент переизбытка вещества во вселенной
запускается очередная болванка
непрочного механизма
среди неизмеримого множества оных.

ставлю пятую в ряд.
воздух инфицирован.
в бутылке сыворотка,
в сыворотке — формальдегид.
выпьешь, тогда и скрепишь
концы подвесных скамеек,
запустишь ветряные мельницы,
отстроишь аэродромы.
на зимовье съедутся звери
рисовать фломастерами
крючки и стрелочки.

шесть

Свидание

она цвела, как акварель.
я ни о чем не догадался.
любовь — картинка в букваре,
качели в крохотном дворе,
и знойный шёпот декаданса.
в глазах — слияние зеркал,
и тишину скребли ресницы,
закат искрился и сверкал,
текла лиловая река
по небу, что едва приснится.
я шёл домой, и на стволах
плодилась, как черешня, зрячесть.
я видел буквы и слова
яснее плоскости стола,
на коем я толк их мякоть
всю ночь, мешая явь со сном.
так пишутся стихи. палитра
неуловима, и озноб,
протяжный вздох — остатки слов
сползают с нёба, как молитва.

72

Азбука из капель

предчувствие метафоры, предчу —
я стер слова, я больше не хочу
знаменья слышать, в сумраке искать их,
сшивать незаживающий надрыв.
я больше не пишу — кричу навзрыд,
выцеживаю азбуку из капель.

о, черновик, древесный физраствор,
я ухожу к братве в соседний двор —
там капитаны выберут составы,
в гнездовье звезд, в надлунный долгострой.
кто в коридоре выдавил постой?
мой милый друг, прости, я не останусь.

настойка из болезни или сна,
пльиви ко мне в объятья, белизна,
последнее желание исполню:
смолистых испарений на краю

я амфору, как череп, раскрою,
но ничего из этого не вспомню.

Полина МИХАЙЛОВА

Родилась в Москве в 2002 году. Alma mater — философский факультет МГУ им. Ломоносова (2019–2023) и литовская школа имени Ю. Балтрушайтиса. Стихи и проза публикуются в журналах «Нева», «Новый мир», «Юность», «Идель», «Литерга», «Млечный путь» (Иерусалим), «Южный маяк», «Пролиткульт», «Пашня», «Кольцо А», «Изыщная словесность». Победитель секции «Поэзия» семинара-совещания «Мы выросли в России»-Урал, издала книжку стихотворений «Ранка на ладони» (2022) по полученному гранту. В 2024 издает по президентскому гранту сборник рассказов «Топить можно вернуться». Шортлистер премии гуманистической прозы ДИАС. Работала на Северном полюсе и в Заполярье.

Влюбиться в дворника

Папа говорит, что самое опасное — обжечься горячим пластиком,
Мама — у Мёртвого моря стать затворником.
Но я-то знаю, что самое опасное —
Влюбиться в дворника.

Его фотографии — неприлично тёмный bug
(Где я даже метлу нахожу уместной, кстати),
Он так бережно переносит мусорный бак,
Что теперь я разучилась уезжать.

Учат не наступать на свои ошибки: например, возвращаться к бывшим,
Мыслить понедельниками, обещать одно и то же.
Но единственные грабли, о которых я слышала —
Стоят у нас в прихожей.

Дворник вплетает в мои косички солнышко:
Вместо лент и заколок — август и стрёкот цикад,
Гладит мне платье, так нежно, что только и помнишь, что
Не забыть бы свою станцию МЦК.

У него такие стоптанные берцы, такие противоречивые надписи на
футболках:
Что-то во мне сразу нажимает «пуск».
Он никогда не говорит ничего колкого.
Потому что не знает русского.

Чёрные брови, заеды в уголках рта,
Мой дворник — уголёк, выносливый, как Vespa.
Он не напоминает, что я — та,

А только шепчет что-то на узбекском.

Дарит мне новенькие мокасины и вязальные спицы с наконечниками;
Вместо томика Монтеस्कьё и нот «Марсельезы»
Присылает Вконтакте жёлтенькие сердечки
И гифки с зелёной на порезах.

Папа говорит, что самое глупое — поступить на юрфак,
Мама — смотреть на близких свысока.
А самое смелое — это заметить у дворника
Милую родинку около кадыка.

Подсоленная вода

Моя мама в Израиле учится пользоваться заряженным пистолетом.
Говорит, что держала только калаш (а может, и не держала никогда).
Пистолет лежит на столе. Он, инжиры, открытка, которая осталась с
лета,
Мамочка, я не успела сказать про это:
Мы ведь, по факту — подсоленная вода.

В Хайфе тихо. Мой израильский пляж животом загораживает полстраны.
И уже два дня не использовалась кофемолка.
Мамочка, я хочу, чтобы ты прилетела ко мне, и мы
Обнимались долго-долго и не двигались долго-долго.

Кто-нибудь, кто не знает про пустыню Негев, Аль-Аксу и ХАМАС,
Хочет, чтобы его мама не повышала голос, покупала жевательных
медведей, была теплее.
А я — понимаете? — мечтаю не пересекаться с Сектором Газа
И чтобы моя мама увидела моих детей.

Нагревается асфальт, покрываются чёрной каёмкой каллы около
подъезда,
Мама подготовила бомбоубежище (принесла туда матрасы, стулья,
печень трески и даже велотренажёр).
И пока она спит рядом с пистолетом, в одежде, в кресле,
Я пишу ей в ватсапе про то, что, мамочка, если
Если что-то и будет — то это не смерть, а нечто губительнее ещё.

В мире, где можно запросто заказать еду
Ты же не встретишься с террористами — мама, да?
Что им наша любовь? Плохое зрение, рыжая голова?

Что им мой законченный МГУ?
Мы ведь, по факту — подсолённая вода.

Комариные укусы

«Небо в Мичуринске кажется невозможным»
Павел Сидельников

Небо в Воронеже тянется гелевым пунктиром.
Я хочу убежать от тебя поскорее и так искусно,
Чтобы бабушка была жива, и чтобы вместо сувениров
Увозить комариные укусы.

Шрифт Брайля

Мы узнали, что я ослепну, когда ели с мамой тёплые суши.
Врач позвонил в телеграме и скинул что-то на электронную почту.
Мама сначала перебивала, не слушала.
А потом поняла, что точно.

76

Сделались бутафорскими эти дурацкие «унаги с авокадо»,
Мама ещё минут десять таращилась на чёрный дисплей.
А под потолком висели фотографии звездопада,
И рассветного зарева — у дверей.

Написали папе. Папа пришёл. Вместе поехали домой на такси.
Обронил: «Мы об этом знали — просто думали, что не так сразу».
Потом снимали куртки, а я разглядывала такую сногшибательно красивую
Шторку с аквамариновыми стразами.

Окулист касался ногтем моего ногтя, и в нашу следующую встречу
Что всё получится, что шансы есть и не такое лечат, сказал —
Что у меня такие рыжие косички, ребяческий оскал, детские костлявые
плечи,
...Но какого чёрта такие взрослые глаза?

Мне сегодня приснился сон, что нам, как разлучаться — невдомёк.
А мои болезни глазок — просто пиксели в каком-то файле.
Что родители говорят в кровати, а я просыпаюсь, как растрёпанный
василёк.
И
Не знаю
Шрифт
Брайля.

Сергей ХАН

Поэт. Живет в Самаре.
Публиковался в онлайн-изданиях
«Подутона», «Roar», «Дактиль»,
«Флаги». Соредактор онлайн-
журнала «всеализм».

77

(VIA NEGATIVA)

(Лето)

*

б. приснилось, что он червяк
которого дети разрезали на части
чтобы посмотреть выживут ли
он показал им чудо
и совершенно счастливые
они его дальше

/птицы одна за одной

/чёрный ручей

/шиповниковый поцелуй

/дрейфующее повторение

на солнце выпячивались орлом
монеты луж

в свечении скол
пропущенной ноты

перегретый
непередаваемым остатком
он очнулся подобен ткани
радостной обнаружить
свою невесомость

*

не комары или мухи
но крупные темные жуки
появляющиеся
когда теплые дни уже устоялись
и совсем не замечающие людей

напомнили —

мы ускользнули от вопроса снова

78

безусильно действие той стороны
пристально-поверхностного
не собравшегося в ожидаемую картину
(остановленный танец
свернувшийся внутрь)

прозрачно-пристального —
так

что многое достигнуто
наблюдением
как если бы мир качнулся вспять
или сразу после дождя

*

нам снились яблоки
задолго до того, как мы разбили палатки
на беременном животе земли
то, что казалось нашим
розовело

возвещая закат ритуала
наши смех заклинания
то, как мы делили себя на части
для восхваления и заботы

что-то было не так
невыносимо
в шорохе теней
и мы полетели вдоль
неплотной цепи ассоциаций
к самому подножию
ее непроницаемости

по приборам
вслепую
мы были нежны
благодарны

и почти оказывались там
переставая узнавать друг друга
если бы не грохот
всполохи
возвращавшие блеск
очертаниям деревьев

сорванный
сгущенного синего занавес
ты почти не помнишь
после
был нам простыней
и экраном

*

альтернативная история
в растворяющейся разметке
птичьего пения
мы оба удивлены
засыпать в этом саду
кто смотрит нас?
листья соня в листьях
мерещится окно

сочится свет
перетекают наши разности
и цвета
на другой стороне спектра
определенность
коснулось руки

(Зима)

*

бесконечное* поле ползти
зажав в зубах «А!»

*и хорошо —
те двое, что придумали бумагу, едва не порезались о ее края
но успели придумать постель

я придумал тебя
ты достал свое исчерпывающее
объяснение
б(!), как(?) мы смеялись
(я, впрочем, сквозь кашель)
б., ты заметил
что в нашей позе
свернуто возвратное
восхождение
снежного гула/конечного счета?
, те сплелись языками
, я облеплен совсем
в ногах вибрации из подполья

• • • • • • • • • • • • • • • •
• •

УГОЛНЕБАСВОДИТЗЕВОТА над нами
б. нас *А!* — нам нечего больше

*

невыдыхаемая усталость
бывшая гиперпространством
плотно укрывала подздесьние узлы/гейты

так, что здесь просачивалось
короткими заметками
собираясь в мозаику луж
в послесвет сплетен

так радостно здесь
болтать с тобой

в том здесь, что заполнило
померещившееся очертание

где многое можно не угадать
но встретить

81

*

б., это вынужденный шаг
выпустить изо рта
то что меня ждет
назвать

кажется, продолжаю я
стремясь допустить сопричастность
так случается

положение тел
мой гороскоп

приближающий
ступающий моей ногой
слепящий источник приближения
агент
проекции

положение дел в союзе:
грот чернильного дождя

обнимающий озноб эха

ночное чтение
серия
целующая
пространство

*

(дорогой,
это время утоплено)

мой блеска
волной
попутчик
положивший глаз на обочину

— это время утоплено
в широте приграничного цвета

небо отражения
опустилось
в сеть руки

*

снег падает
в напряженную пружину
самообъятия реки

глаз лета
— другая ее сторона
почти шагает
над зеркальной табличкой марева

замедляя непостоянство
слизывающей валуны воды —

она вот-вот зацветет
в ледяной тишине

останься (со) мной
свидетель

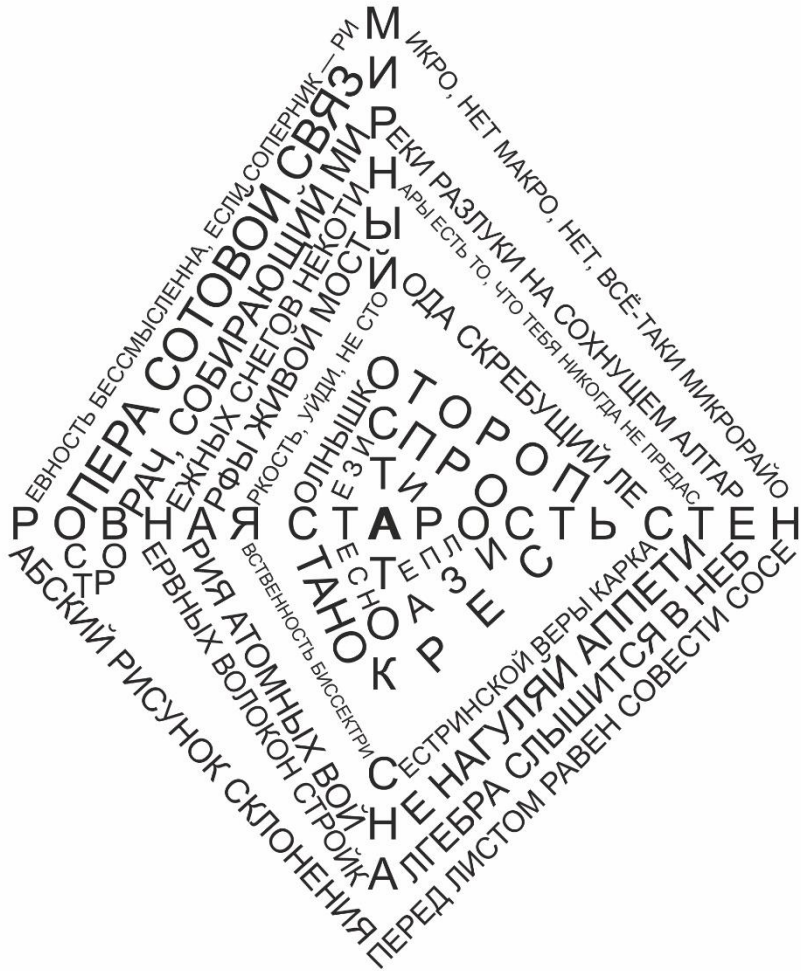

Фото: Ростислав Русаков

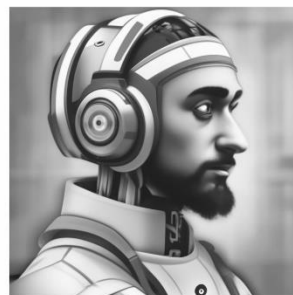
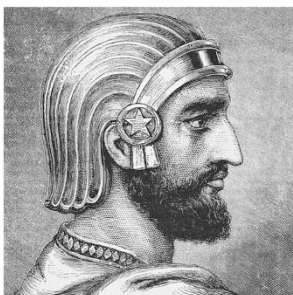
Кир НЕБРОСКИЙ

Родился где-то на перекрестке времен во Владимирской стороне. Получил техническое образование и место проживания на земле столичной. В юном возрасте заразился театром, так до конца и не выздоровел, стихи остались в качестве хронического осложнения. Встречается в районе Библиотеки поэзии.

84

2024.03.06 Тессерактовая ловушка

др.-перс. Kuruš
 акк. Ku(r)-raš/-ra-āš;
 эламск. Ku-raš;
 араб. Kwrš;
 ивр. כורש;
 др.-греч. Κύρος.

К И Р
 Н Е Б
 Р О С
 К И Й

11010000
 10011010
 11010000
 10111000
 11010001
 10000000

восстание против Мидии
 завоевание Лидии
 Ионии, Кари, Ликии
 подчинение Вавилонии
 отношение к покорённым
 жена и дети
 против массагетов
 память
 родословие
 литература

симфония одной буквы
 в наличии
 долгожданное
 предрассветное
 ограбление
 от и до
 лейтмотив
 человек за бортом
 продолжение следует
 туда отсюда
 пожалуйста
 сказка о счастье
 погоня
 привет
 доппельгенгер
 границы
 кончились
 сюжет
 энтропия
 гость
 почтальон
 увы
 за буйками
 пир
 погружение
 техника
 деконструкция
 карта сокровищ
 вызов

это ёлочка
 тессеракт
 в духе стар трека
 лень вылизывать
 хорошие журналы
 разжаловать Орлицкого
 исключительно из названия
 разошлись
 звучит аппетитно
 будет участвовать
 схема эвакуации
 к которой прикреплен маятник
 в канале
 ушей
 маршрут
 в папочках
 наступает счастье
 финал
 тоже хочет импровизировать
 про пришельцев
 вместо зятя для мамы
 венозной
 чернотой
 элементарными частицами

3-й подмосковный уровень
УПРАВЛЕНИЕ ПРИСУТСТВИЯ
ОТДЕЛ ФИКСАЦИИ

« 08 » и а р т а 20 24
№ 76

11 05 24
ОСОБАЯ ПАПКА

экз. № 1

мл. науч. сотр. Пупыркина Н.С.

из энциклопедии наблюдателя

Протокол обследования объекта 824

Тело гуманоидного типа.

Рост – 136 сантиметров.

Вес – 26 килограммов.

Половая принадлежность неизвестна.

Цвет кожи – серый, розовый, коралловый.

Количество пальцев:

– на каждой из рук – по 4;

– на левой ноге – 3, на правой – 6.

Глаза фасеточные.

Стрекосиные.

Стрекосы – вертолёты в мире насекомых.

Или это вертолёты – стрекозы в мире людей.

4-палый мозг.

2 сердца.

Значит, ему не нужно искать половинку.

0–Н–0.

Сложно воспринимать его как объект сексуального влечения.

Влечение андрогину ни к чему, поскольку отвлекало бы от труда.

Любят ли муравьи свою матку, считывая её желания по выделениям?

Согласно профессору Ионжину подобные формы обладают коллективным разумом.

Их происхождение искусственно.

Даже в большей степени, чем наше.

Как было хорошо смотреть фильмы про синих, нежных, красивых туземцев.

Хотеть к ним.

Кто же знал, что всё так?

Теперь странно бояться пресловутых биологических часиков.

Разнообразие форм репродукции в масштабах вселенной практически безгранично.

Арктуринские разумные деревья вообще предпочитают не размножаться, поскольку бессмертны.

Тело

– контейнер,

– камера пыток,

– класс.

Звонок для учителя.

86

Акrostихи для Татьяны Долгих
Диалог ребёнка и недавно посаженного растения.
(Должна быть хотя бы одна пара рифмованных строчек)

I

Сахары бунтующий воздух
армянский дешёвый коньяк,
работа бурлящего мозга,
родной мой, ты как-то размяк
акации ливни обильны,
цветлейший, смелее взглядишь,
ещё тебя годы не били
надеждой оглохших кулис;
измажься, коснись хорошенько
ядра видовых отношений.

2024.03.09 Укоренение

II

87

соколики
орлы
воздухопевцы
ещё не занят город
тишиной
слетайтесь
кружевами
алогизмов
якоритесь

явление
духовки
естество
разрастающихся
настурций
акупунктура
ярких звёздных мух

босые
обороты
молока

блаженство
абсорбция незримого

Ружаны
Дворец Сапегов
Синагога
- (минус)
4 градуса тревожной глубины

2024.03.09 Точка роста

III

Клянусь тебе
улыбчивая
лань
исчезну
кончусь
оборвусь
взорвусь

88

Прасковья
абсолютная
всезнайка
естественно-научная
любовь

Володя
любит
алгоритмы
духа
историю
молебнов
истерий
родство
обыкновенное
венозной
искрится безответность
чернотой

2024.03.09 Пересадка

Артистом стать не случилось.
Не взяли.
Потом разуверился.
Вырастил в себе новый сучок гордыни —
сочинительство.
Нёс знакомым.
Нёс незнакомым.
Инерция — страшная вещь.

Семнадцать лет назад
в день похорон Ельцина
Лужков не приехал
и не вручил мне диплом,
зато был Садовничий
и прочие вольные каменщики,
а председатель сказал:
«Страна встала на такие рельсы,
с которых будет сложно свернуть».
Годы прошагали болотами.
Что там за поворотом
никто особенно не размышляет.
Поворот перешёл в квантовое состояние.

С самого детства жду конца.
Помню сон девяносто девятого:
улетающие под вой сирен
огромные пузыри.
Волна с тех пор
значительно приблизилась.
Но мечте отойти от мира
почему-то предпочёл стихи,
закрепляющие в нём
или некоем его подобии.
При этом не происходит
раскрытия чужака,
изгнания,
по-
че-
му?
Думаю,
в пограничные времена
желания сбываются,

потому что последние.
Обиженным
не уйдёт
никто.

2024.03.10 Свидетель

Контакты:

Прием рукописей: nate.lit@mail.ru

Сотрудничество: nate.lit.collab@mail.ru

Сайт: <https://natelit.ru/>

Мы в социальных сетях:

[https://t.me/NATE lit](https://t.me/NATE_lit)

Boosty: <https://boosty.to/glavvred>

Поддержать проект: <https://pay.cloudtips.ru/p/39896291>

